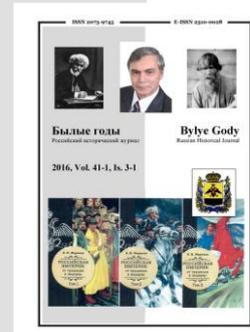

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 874-881, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

In Search of the Best Explanation of Russian History

Natalia B. Selunskaja^{a, *}

^a Moscow State University, Russian Federation

Abstract

This article discusses the methodological aspects of general models of historical explanation developed in contemporary Russian and foreign historiography and also interpretations of Russian history offered on their basis. This topic was initiated by the publication of the fundamental work of the well-known Russian historian Boris Mironov, “The Russian Empire: From Tradition to Modernity” and it is discussed in terms of its contents. Natalia Selunskaja focuses on the author’s “integrative” approach to the explanation of Russian history within the period of the 17th to 20th centuries, which combines different methodological concepts into a complex, suitable for the analysis of certain phenomena, processes, and problems. Mironov’s contribution is evaluated in an explanation of the nature and pace of the process of Russia’s transformation from “tradition” to “modernity” through concepts of temporal characteristics in comparative perspective. In Selunskaja’s opinion, the comparative methodology particularly increases the possibility of finding reliable historical conclusions and evaluations of the political and socio-demographic aspects of modernization of the Russian empire.

Keywords: modernization; 1917 revolution; Russian history; methodology; comparative perspective; Marxist paradigm; civilizational concept; explanatory model; the best explanation procedure; multi-conception approach.

Историческое объяснение всегда было ключевой проблемой философии истории, вызывающей острые дискуссии на протяжении всего последнего столетия, в фокусе которых находился процесс, в конце которого мы вознаграждаемся пониманием факта. Под объяснением понимался способ сделать прошлое понимаемым. В мировом и в национальных исторических сообществах постоянно ведутся дискуссии вокруг проблемы исторического объяснения. В условиях так называемого «постмодернистского вызова» и «лингвистического поворота» в истории уже в 1980-е гг. таким авторитетным в профессиональном историческом сообществе историографом, как Джордж Иггерс, выражалась особая озабоченность угрозой потери «социальным объяснением» всей своей независимой значимости. Основанием для отрицания исторического синтеза и исторического объяснения является в том числе и девальвация в профессиональном историческом сообществе теорий, создававших основу объяснительных моделей исторического процесса, его отдельных этапов. Крупнейший методолог XX в., автор известного переведенного на все языки мира труда «Методология истории», долгие годы возглавлявший журнал «История и теория», Ежи Топольский откликнулся на эту методологическую ситуацию, в частности, статьей «Историческое объяснение в теории

* Corresponding author

E-mail addresses: selounsk@yandex.ru (N.B. Selunskaja)

исторического материализма», в которой подчеркивал значимость для оценки роли объяснения для современного исторического исследования «целостного прочтения идей Маркса», а не подмены его «коллекцией цитат», в том числе «его известного письма». Необходимо, по мнению ученого, включить модель марксистского объяснения в контекст современной методологии исторического объяснения. Проведенное Е. Топольским сравнение «реализма» марксистской методологии и «инструменталистского подхода» продемонстрировало эффективность и высокий познавательный потенциал марксистского подхода к объяснению за счет «четкой структуры модели объяснения», «связи теории и методологии», «выделения двух аспектов в историческом процессе»: субъективного и объективного, рассмотрения исторических явлений и фактов на различных уровнях генерализации и др. (Topolski, 1990). Это предупреждение о значимости сохранения традиции дополнено замечанием о необходимости «конкретизировать абстрактную объяснительную модель» для исторических исследований, учитывая ее потенциал.

Вместе с тем актуализировался поиск «лучшего объяснения», оснований и аргументации для интерпретаций, исторических заключений и выводов. Так, известный своими исследованиями мировому историческому сообществу шведский историк и методолог Рольф Тоштендаль обсуждает возможности и пределы применения «процедуры наилучшего объяснения» (IBE) в историческом исследовании, используемой философом Питером Липтоном в его книге для описания развития знания в естественных науках (Lipton, 2005; Тоштендаль, 2014; Селунская, 2000). Представляется важным отметить два момента. Во-первых, историками признается возможность нескольких объяснений исторических событий, явлений и процессов. Во-вторых, подчеркивается, что «важным условием наилучшего объяснения является то, что оно не должно вступать в противоречия с объяснениями других историков...» (Тоштендаль, 2014). Таким образом, «наилучшее объяснение» предполагает поиск консенсуса в отношении выводов и заключений историка, объясняющих исследуемые явления и процессы.

Как видим, проблема объяснения рассматривается историками на историко-философском уровне, при котором в фокусе внимания находятся «тотальные модели объяснения». Однако историков прежде всего интересует познавательная функция моделей в качестве основы (схемы) для конкретно-исторического объяснения национальной истории, ее отдельных периодов и проявлений в исторических фактах, событиях, институтах, персоналиях.

Фундаментальное исследование Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну» (Миронов, 2014; Миронов, 2015a; Миронов, 2015b) имеет концептуальный характер и дает основание для дискуссии внутри исторического профессионального сообщества по поводу и самой процедуры исторического объяснения, и моделей объяснения российской истории в контексте парадигмы «Россия – Запад». Примечательно, что автор в своем «вступительном слове» особо отмечает внимание к методологическим аспектам как отличительную содержательную черту своей трехтомной монографии (Миронов, 2014: 12) и открывает ее введением «Концепции и парадигмы в современной историографии». В нем содержится сжатый обзор выбранных на основе авторских предпочтений современных тотальных моделей исторического объяснения, в рамках которых возможно вести изучение российской истории. Оценка познавательных возможностей семи моделей для объяснения российской истории предпринята Б.Н. Мироновым и в вступительном разделе и в тексте всего последующего исследования. Итоги рассмотрения истории имперской России, «развития России в рамках семи концептуальных подходов», «конструирующих специфический образ России, предлагающих собственные модели и свои трактовки предпосылок, движущих сил, механизмов и хронологии ее развития» (Миронов, 2015b: 649–670), создали основания для выводов методологического характера и конкретно-исторических оценок. Так, в теоретико-методологическом аспекте объяснения российской истории автор высоко оценивает познавательный потенциал «комплексного поликонцептуального подхода», объединяющего особенности всех концепций, на том основании, что он позволяет получить «многомерный, собирательный и потому более адекватный образ России» (Миронов, 2015b: 671). Структура заявленного комплексного подхода представлена совмещением модернизационной, цивилизационной и мир-системной концепций. Несомненный интерес к заявленному автором и реализованному им подходу основан на тех новых познавательных возможностях, которые рождаются от «сочетания различных точек зрения», то есть получения нескольких объяснений российской истории. Это одно из направлений движения современной

историографии, как уже отмечалось, на пути поиска «наилучшего объяснения». И это включение в дискурс больше разных голосов, по заключению автора монографии, дает историку больше шансов приблизиться в объяснении истории России к объективности и истине. Нельзя не согласиться с тем, что такой методологический плюрализм в подходе к объяснению расширяет горизонты видения российской истории, объемность и многогранность образа России. Б.Н. Миронов по-своему следует и второму условию «наилучшего объяснения» – поиску консенсуса между подходами, их общие черты. В таком авторском прочтении процедура поиска консенсуса, несомненно, усиливает обоснованность «совпадающих» конкретно-исторических выводов и заключений относительно образа имперской России, а «несовпадающие» могут рассматриваться как комплиментарные, обогащающие этот образ.

Представляется, однако, что заявленный автором синтезирующий (интегральный) подход к объяснению истории России не исключает для него как явные предпочтения к определенным объяснительным моделям, так и весьма критические оценки в отношении некоторых подходов из предложенного набора «великолепной семерки». Так, в фокусе внимания Б.Н. Миронова постоянно находится теория модернизации как основа объяснения российской истории XVII–XX вв. Автор справедливо отмечает, что «концепция модернизации до сих пор является прагматичной и работоспособной при изучении исторической динамики особенно России», что, по его мнению, связано с тем, что «наша страна не решила еще задачи модерна, в то время как самые продвинутые страны уже решают задачи постмодерна» (Миронов, 2015b: 672). В этой связи хотелось сделать два комментария. Представляется важным отметить особую актуальность, востребованность, «адекватность» и мотивированность выбора теории модернизации российским профессиональным историческим сообществом в качестве объяснительной модели национальной истории в период транзита нашей историографической традиции от безальтернативного доминирования одного теоретико-методологического подхода (формационного) к методологическому плюрализму, что заинтересовало меня еще в 90-е гг. XX в. (Селунская, 1995). Аргументом жизнеспособности этой теории и ее востребованности в нашей российской историографии является огромный поток специальной литературы, опубликованной за последние 20 лет и посвященной интерпретациям содержания самой теории, классификациям и интерпретациям типов модернизации, включающих, например, такие как «рецидивирующая модернизация» (Наумова, 2006), «модернизация через катастрофу» (Фадин, 1995), «самобытный вариант модернизации» (Зарубина, 1997), «современная российская модернизация» (Согрин, 1994), «модернизация в посттоталитарном мире» (Кандель, 1994). Историки пытались «адаптировать» модернизацию и для объяснений уникальности исторического пути России, и для обоснования ее включенности в процесс вестернизации, используя теорию в весьма широком хронологическом диапазоне, не имеющем практически верхней границы. Одной из причин особой популярности теории модернизации можно считать то, что ее сторонники, как отмечал Е. Ригли в своей работе 1987 г., посвященной историческому объяснению, стремились «преодолеть ограниченность двух классических подходов: экономизма (Смит – Маркс – Тойнби) и психологизма (Вебер – Фрейд – Парсонс)» (Wrigley, 1987). Нельзя не вспомнить и то, что истоки понятия «модернизация» восходят к работам А. Смита, Т. Мальтуса, П. Рикардо и К. Маркса. Как видим, существует обозначенная адептами теории модернизации ее связь с формационным подходом. Вот почему представляется необоснованной и некорректной негативно-критическая эмоциональная оценка марксистской парадигмы Б.Н. Мироновым, анонсированной в том числе работами советских историков 1950-х гг., и исключение формационного подхода из интеграции адекватных инструментов объяснения российской истории. Что касается цивилизационного подхода, то абсолютно согласна с авторской оценкой его невысокого познавательного потенциала для объяснения истории России. Доказательством являются приведенные автором «случаи из исследовательской практики», например сочинения А.С. Ахиезера, которые могут быть дополнены новыми публикациями (Маджаров, 2014).

В развитие темы поиска наилучшего объяснения следует остановиться на раскрытии смыслов ключевых понятий и концептов, которые используются автором. Значимым является тот факт, что уже в названии монографии Б.Н. Миронова отражены авторские методологические предпочтения через концепты «империя», «традиция», «модерн». Так, понятие «империя» несомненно является одним из ключевых для исторического

объяснения Б.Н. Мироновым характера и особенностей развития России и связано с апробацией автором мир-системного подхода, востребованного современной отечественной и зарубежной историографией. Доказательством являются проекты, посвященные исследованию истории Российской империи (Савельев, 1997; Кагарлицкий, 2004; Burbank, Ransel, 1998; Brower, Lazzarini, 1997; Каппелер, 1997). Как отмечается в историографии, «наряду с лидировавшими прежде тоталитарной и модернизационной школами, в западной историографии возникает третье направление, которое ставит во главу угла имперскую модель». Это направление в англоязычной историографии оформилось как «новая история империи» (new imperial studies) и отличается признанием преемственности между Российской империей и СССР, отрицанием роли 1917 г. как разрыва в истории страны (Большакова, 2003: 31). В методологическом аспекте сторонники этого направления ратуют за то, чтобы «изменить общие очертания исторического нарратива о Российской империи» и «изучать Россию как особый род империи в широком сравнительном контексте». Придавая особое значение фактору исторического времени и географического местоположения ряд сторонников направления «новой истории империи» относят Россию к разряду так называемых «территориально-протяженных континентальных империй», которые сильно отличались от западноевропейских империй с заморскими колониями (Большакова, 2003: 35).

Методологически значимым является и понятие «модернизирующиеся империи», содержание которого западная русистика названного направления считает как переход от империи «старого порядка» к «современной» империи, от полицентричной и дифференцированной политической системы к более централизованному и бюрократизированному государству, которое через элиты проводило политику унификации в области экономики, языка и культуры. Модернизация Российской империи связывается такими западными русистами, как Р. Суни, А. Рибер, С. Беккер с периодом конца XIX – начала XX в., который, по их оценкам, стал и периодом вступления континентальных империй в период фатального для них кризиса. Концепция Б.Н. Миронова отличается своеобразием и в употребляемых концептах, и в интерпретациях содержания, особенностей и темпоральных характеристик процесса транзита России от традиции к модерну. Так, в монографии Б.Н. Миронова этот процесс имеет название «имперской модернизации» (Миронов, 2015b: 713, 718), который длился в течение 300 лет, стартовал в период между правлением Петра и Екатерины и в конкретно-историческом аспекте привел к формированию собирательного образа России как «страны европейской культуры». Отличительные особенности же автором усматриваются в том, что как «европейская периферия» Россия живет в «другом часовом поясе» и переживает те же процессы и стадии, что и западноевропейские страны с определенным «временным лагом». Особый интерес представляет понимание автором «Российской империи...» темпоральных характеристик процесса модернизации вообще и их проекции на российскую историю в частности. Обращаясь к российской историографической традиции XIX–XX вв. объяснения истории России, нельзя не отметить устойчивость оценок содержания и темпов эволюции, периодизации истории России в концепциях Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова в контексте сравнения России и Запада. Представляется, что в масштабном исследовании Б.Н. Миронова иногда явно, а часто имплицитно, но присутствует, проступает и ощущается связь его подхода с отечественной традицией исторического объяснения. Так, например, выделение названными историками в периодизации российской истории «допетровской» России и России времен петровских реформ своеобразным эхом звучит у Б.Н. Миронова в определении нижней и далеко не бесспорной для советской и постсоветской историографии границы начала процесса «ранней» модернизации. Усматривается и своеобразное «преемство» в отношении интерпретации С.М. Соловьевым проблемы темпов исторического развития России и Запада через концепт «задержки», далеко нетождественный понятию «отсталости». В историческом объяснении Б.Н. Миронова введены новые понятия «иного часового пояса», временного «лага», «выключенности» России из мирового цивилизационного контекста исторической эволюции, в раскрытии смыслов которых присутствует и географическая среда, и фактор «внешней опасности» и «завоевания и ига». Представляется, что и при структурировании содержания трехтомного сочинения Б.Н. Миронов выделял значимые, по его мнению, для объяснения российской истории избранного им периода факторы, феномены, институты и структуры: колонизация, крепостное право, семья, община,

государство, право и суд. Именно вокруг перечисленных концептов, раскрытия их смыслов и велись дискуссии, в контексте которых формировалась и развивалась традиция объяснения российской истории в отечественной историографии, представленной персоналиями названных известных историков и их историческими концепциями. В то же время важно дополнить, что в объяснении Б.Н. Мироновым «имперской модернизации» явно проступает культурологический контекст при выявлении и интерпретациях факторов, влиявших на процесс «имперской модернизации». В этом плане объяснение автором транзита Российской империи от традиции к модерну вписывается в три магистральных ракурса объяснения «модернизации империй» представителями направления «new imperial studies», которые обозначены Альфредом Рибером как «сравнительное, географическое и культурное» (Rieber, 2001: 265). Так, по мнению Б.Н. Миронова, Россия имела существенные особенности в своих социальных институтах и структурах, которые обусловлены, во-первых, «условиями среды» – «оторванностью от греко-романской цивилизации в античную эпоху, восточным окружением во все времена, поздним приобщением к христианской цивилизации», а, во-вторых, «периферийным положением страны в христианском мире» (Миронов, 2015b: 671). Очевидно, что методология объяснения Б.Н. Миронова включает историко-антропологический подход, который проявляется и в выборе объяснительных факторов и в их эмпирической верификации путем представления и анализа мощного пласта источников, содержащих информацию демографического, социально-психологического и физиологически-биологического свойства. Даже бросив беглый взгляд на таблицы как форму репрезентации фактического исторического материала, характеризующие в сравнительной перспективе отдельные стороны развития России, легко увидеть заинтересованность автора в их отборе. Автор сам отмечает, что придерживается методологии, называемой неоклассической моделью исторического исследования, которая набирает силу в современной историографии и представляет собой синтез исторической науки, исторической социологии, антропологии, исторической психологии. Представляется, что Б.Н. Миронову удалось, как он и замышлял, «исследовать историю императорской России, опираясь на достижения отечественной и зарубежной историографии, используя понятийный аппарат и подходы современной социальной науки, избегая как негативизма, так и апологетики в отношении российских достижений» (Миронов, 2014: 12). Вместе с тем концептуальное по замыслу и исполнению сочинение Б.Н. Миронова демонстрирует профессиональному историческому сообществу и то, насколько сложны и многогранны методологические проблемы объяснения российской истории, рассмотренные в масштабной сравнительно-исторической перспективе (Миронов, 2013), и то, насколько значимы методологические аспекты исследования для конкретно-исторического объяснения движения России «от традиции к модерну».

Литература

- Большакова, 2003 – *Большакова О.В.* Российская империя: система управления (Современная зарубежная историография): аналитический обзор / РАН ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. отеч. и зарубеж. истории; отв. ред. В.М. Шевырин. М., 2003. 92 с. (Сер.: История России).
- Зарубина, 1997 – *Зарубина Н.Н.* Модернизация и хозяйственная культура (Концепция М. Вебера и современные теории развития) // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 46–54.
- Кагарлицкий, 2004 – *Кагарлицкий Б.Ю.* Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2004. 528 с.
- Кандель, 1994 – *Кандель П.Е.* Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире // Полис: Политические исследования. 1994. № 6. С. 6–16.
- Капеллер, 1997 – *Капеллер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С. Червонной. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 343 с.
- Маджаров, 2014 – *Маджаров А.С.* История России в теории цивилизации. Иркутск: ИГУ, 2014. 212 с.
- Миронов, 2013 – *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.
- Миронов, 2014 – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.

- Миронов, 2015a** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.
- Миронов, 2015b** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.
- Наумова, 2006** – *Наумова Н.Ф.* Человек и модернизация России. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2006. 592 с.
- Савельев, 1997** – Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX веков): сб. науч. ст. [по материалам межрегион. семинара «Региональные процессы в императорской России»] / Моск. обществ. науч. фонд; отв. ред. проф. П.И. Савельев. М.: МОНФ, 1997. 237 с.
- Селунская, 1995** – *Селунская Н.Б.* Россия на рубеже XIX–XX вв. (в трудах западных историков). М.: Рос. откр. ун-т, 1995. 65 с.
- Селунская, 2000** – *Селунская Н.Б.* К проблеме объяснения в истории // Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II науч. чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: РОССПЭН, 2000. С. 44–63.
- Согрин, 1994** – *Согрин В.В.* Современная российская модернизация: этапы, логика, цели // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 3–18.
- Тоштендаль, 2014** – *Тоштендаль Р.* Методика «лучшего объяснения» в историческом исследовании // Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования: Материалы V науч. чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: Изд-во МГУ, 2014. (Труды исторического факультета МГУ; вып. 66. Сер.: Исторические исследования; 27). С. 48–60.
- Фадин, 1995** – *Фадин А.* Модернизация через катастрофу? (Не более чем взгляд...) // Иное: Хрестоматия российского самосознания. 1995. <http://www.russ.ru/antolog/inoe/fadin.htm/fadin.htm> (дата обращения: 15.07.2016).
- Brower, Lazzerini, 1997** – *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / ed. by D.R. Brower, E.J. Lazzerini. Bloomington, 1997. XX, 339 p.
- Burbank, Ransel, 1998** – *Imperial Russia: New Histories for the Empire* / ed. by J. Burbank, D. Ransel. Bloomington, 1998. 352 p.
- Lipton, 2005** – *Lipton P.* Inference to the Best Explanation. 2nd ed. London, 2005.
- Rieber, 2001** – *Rieber A.* From Reform to Empire: Russia's New Political History // Kritika. Bloomington, 2001. Vol. 2, nr 2. P. 261–268.
- Topolski, 1990** – *Topolski J.* Historical Explanation in Historical Materialism // Narration and Explanation: Contributions to the Methodology of the Historical Research / ed. J. Topolski. Amsterdam: Atlanta, 1990. P. 61–84.
- Wrigley, 1987** – *Wrigley D.A.* People, Cities and Wealth: The Transformation of Traditional Society. Oxford: Blackwell, 1987. X, 348 p.

References

- Bol'shakova, 2003** – *Bol'shakova O.V.* Rossiiskaya imperiya: sistema upravleniya (Sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya): analiticheskii obzor [Russian Empire: control system (Modern foreign historiography): analytical review]. Moscow, 2003. 92 p. [in Russian].
- Brower, Lazzerini, 1997** – *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / ed. by D.R. Brower, E.J. Lazzerini. Bloomington, 1997. XX, 339 p.
- Burbank, Ransel, 1998** – *Imperial Russia: New Histories for the Empire* / ed. by J. Burbank, D. Ransel. Bloomington, 1998. 352 p.
- Fadin, 1995** – *Fadin A.* Modernizatsiya cherez katastrofu? (Ne bolee chem vzglyad...) [Modernization through catastrophe? (Never more than a glance...)] // Inoe: Khrestomatiya rossiiskogo samosoznaniya [Other: reader of the Russian identity]. 1995. URL: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/fadin.htm/fadin.htm> (data obrashcheniya: 15.07.2016) [in Russian].
- Kagarlitskii, 2004** – *Kagarlitskii B.Yu.* Periferiinaya imperiya: Rossiya i mirosistema [Peripheral Empire: Russia and the world system]. Moscow: Ul'tra. Kul'tura, 2004. 528 p. [in Russian].
- Kandel', 1994** – *Kandel' P.E.* Natsionalizm i problema modernizatsii v posttotalitarnom mire [Nationalism and the problem of modernization in the post-totalitarian world] // Polis: Politicheskie issledovaniya [Polis: Political studies]. 1994. Nr 6, pp. 6–16 [in Russian].

Kappeler, 1997 – *Kappeler A.* Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia – a multinational Empire: The emergence. The history. The collapse]. Moscow: Progress-Traditsiya, 1997. 343 p. [in Russian].

Lipton, 2005 – *Lipton P.* Inference to the Best Explanation. 2nd ed. London, 2005.

Madzharov, 2014 – *Madzharov A.S.* Istoriya Rossii v teorii tsivilizatsii [The history of Russia in the theory of civilization]. Irkutsk: Irkutsk State University, 2014. 212 p. [in Russian].

Mironov, 2013 – *Mironov B.N.* Strasti po revolyutsii: Nravny v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii [The passion for the revolution: mores in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. 336 p. [in Russian].

Mironov, 2014 – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].

Mironov, 2015a – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].

Mironov, 2015b – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].

Naumova, 2006 – *Naumova N.F.* Chelovek i modernizatsiya Rossii [The man and the modernization of Russia]. Moscow: Kanon+: Reabilitatsiya, 2006. 592 p. [in Russian].

Rieber, 2001 – *Rieber A.* From Reform to Empire: Russia's New Political History // Kritika. Bloomington, 2001. Vol. 2, nr 2, pp. 261–268.

Savel'ev, 1997 – Imperskii stroi Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – nachalo XX vekov) [The Imperial system of Russia in the regional dimension (19th – beginning of 20th centuries)]. Moscow: Moscow Public Science Foundation, 1997. 237 p. [in Russian].

Selunskaya, 1995 – *Selunskaya N.B.* Rossiya na rubezhe XIX–XX vv. (v trudakh zapadnykh istorikov) [Russia in the 19–20th centuries (in the works of Western historians)]. Moscow: Russian Open University, 1995. 65 p. [in Russian].

Selunskaya, 2000 – *Selunskaya N.B.* K probleme ob'yasneniya v istorii [The problem of explanation in history] // Problemy istochnikovedeniya i istoriografii: Materialy II nauchnykh chtenii pamyati akademika I.D. Koval'chenko [The problems of source study and historiography: Materials of II scientific readings in memory of academician I.D. Koval'chenko]. Moscow: ROSSPEN, 2000, pp. 44–63 [in Russian].

Sogrin, 1994 – *Sogrin V.V.* Sovremennaya rossiiskaya modernizatsiya: etapy, logika, tseli [Contemporary Russian modernization: stages, logic, purpose] // Voprosy filosofii [The problems of philosophy]. 1994. Nr 11, pp. 3–18 [in Russian].

Topolski, 1990 – *Topolski J.* Historical Explanation in Historical Materialism // Narration and Explanation: Contributions to the Methodology of the Historical Research / ed. J. Topolski. Amsterdam: Atlanta, 1990. P. 61–84.

Toshtendal', 2014 – *Toshtendal' R.* Metodika "luchshego ob'yasneniya" v istoricheskom issledovanii [The technique of "best explanation" in historical research] // Problemy istoriografii, istochnikovedeniya i metodov istoricheskogo issledovaniya: Materialy V nauchnykh chtenii pamyati akademika I.D. Koval'chenko [Problems of historiography, source study and methods of historical research: Materials of V scientific readings in memory of academician I.D. Koval'chenko]. Moscow: Moscow State University, 2014, pp. 48–60. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU; vyp. 66. Seriya: Istoricheskie issledovaniya; 27) [in Russian].

Wrigley, 1987 – *Wrigley D.A.* People, Cities and Wealth: The Transformation of Traditional Society. Oxford: Blackwell, 1987. X, 348 p.

Zarubina, 1997 – *Zarubina N.N.* Modernizatsiya i khozyaistvennaya kul'tura (Kontseptsiya M. Vebera i sovremennye teorii razvitiya) [Modernization and economic culture (The concept of M. Weber and modern theories of development)] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 1997. Nr 4, pp. 46–54 [in Russian].

УДК 94(47)

В поисках «лучшего объяснения» российской историиНаталья Борисовна Селунская^{а, *}^а Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются методологические аспекты общих моделей исторического объяснения, разработанные в современной российской и зарубежной историографии, а также интерпретации российской истории, предлагаемые на их основе. Тема инициирована публикацией фундаментального сочинения известного российского историка Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну» и рассматривается в контексте ее содержания. В центре внимания Н.Б. Селунской находится «интегральный» подход автора к объяснению русской истории в период XVII–XX вв., который объединяет различные методологические концепции в комплекс, пригодный для анализа определенных явлений, процессов и проблем. Оценивается вклад Миронова в объяснение характера и темпов процесса перехода России от «традиции» к «современности» через концепты темпоральных характеристик в сравнительной перспективе. По мнению Селунской, именно компаративистская методология повышает возможность получить достоверные исторические выводы и оценки политических, социально-демографических аспектов модернизации Российской империи.

Ключевые слова: модернизация; революция 1917 г.; русская история; методология; компаративный подход; марксистская парадигма; цивилизационная концепция; объяснительная модель; процедура наилучшего объяснения; поликонцептуальный подход.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: selounsk@yandex.ru (Н.Б. Селунская)